

ОСНОВНЫЕ КОНЦЕПЦИИ ЭТНОГЕНЕЗА ДРЕВНЕЙ МОРДВЫ (ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР)

© 2009 В.В. Ставицкий

Пензенский государственный педагогический университет

Поступила в редакцию 19.02.2009

В статье рассмотрена история изучения этногенеза древней мордвы. Исследователями разработаны две основных концепции: миграционная и автохтонная. Согласно первой концепции, главную роль в этногенезе мордвы сыграло родственное население Прикамья, по второй – местные племена городецкой культуры.

Ключевые слова: этногенез древней мордвы; миграционная и автохтонная концепции; пьяноборская и городецкая культуры; сарматы.

Проблема этногенеза является одной из центральной в изучении древнейшей истории мордовского народа. О важности ее решения свидетельствует хотя бы то, что в 1964 г. в Саранске был организован конгресс, посвященный вопросам этногенеза. Данная проблема имеет достаточно обширную историографию, что не позволяет рассмотреть все вопросы, связанные с ее решением, в одной небольшой статье, поэтому мы остановимся только на анализе основных концепций, вокруг которых до сих пор ведутся оживленные споры.

Первое письменное упоминание о мордве содержится в трудах историка готлов Иордана, который, описывая в VI в. события, относящиеся к IV веку, в числе прочих народов, завоеванных готами, называет *Mordens*. Однако, у Иордана не содержится данных ни о месте проживания этого народа, ни о его происхождении. Только в летописном своде “Повесть временных лет” наконец была указана примерная территория обитания мордвы: “...по Оце реце, къдъ вѣчтъ в Вѣлгу ...Мърдва свой язык” [1, С. 3 - 4]. Поэтому главными источниками изучения процесса складывания древнемордовской народности являются археологические памятники, преимущественно могильники. Первая археологическая экспедиция, целью которой было определение этнической принадлежности могильников, расположенных на месте проживания современной мордвы, и установление их связи с местными этнографическими материалами, была организована профессором Казанского университета И.Н. Смирновым и членом Императорской Археологической комиссии А.А. Спицыным в 1892 г. Ими были проведены раскопки могильников золотоордынского времени в Пензенской губернии и установлена их связь как с древностями лядинского типа

Ставицкий Владимир Вячеславович, доктор исторических наук, профессор кафедры истории древнего мира, средних веков и археологии. E-mail: yagovdom@mail.ru

IX-XI вв., так и с этнографическими материалами мордвы XIX в. [2].

Впервые вопрос о происхождении финских культур Западного Поволжья был поставлен в 1926 г. П.П. Ефименко. На основе сравнительного анализа материалов Кошибеевского могильника с древностями Прикамья им было выдвинуто предположение, что данный памятник был оставлен пришлыми племенами, часть которых переселилась из Прикамья [3]. Так было положено начало миграционной прикамской гипотезе происхождения поволжских финнов.

Во второй половине 1930-х гг. П.П. Ефименко, в русле господствовавших тогда в советской археологии теорий стадильности и автохтонности, отказался или, может быть, вынужден был отказаться от своего первоначального предположения. Теперь в полном соответствии с теорией стадильного развития Н.Я. Марра он стал доказывать, что племена, оставившие могильники в первые века нашей эры в Западном Поволжье, - местного происхождения. Причины появления могильников он теперь объяснял, в духе той же теории, переходом местного населения от присваивающего рыболовно-охотничьего хозяйства к пастушескому и отчасти земледелию [4, С.39 - 58]. По мнению В.И. Вихляева, достаточного количества фактов для подтверждения данной гипотезы им приведено не было [5, С. 7], а А.П. Смирнов прямо отмечает, что П.П. Ефименко, судя по его более поздней публикации, “...по-прежнему остался на своих старых позициях миграционизма” [6, С. 53]. Видимо, так оно и было, и отказ П.П. Ефименко от своих прежних взглядов был вынужденным. Это объясняет и тот “дежурный” набор фактов, который он привел в пользу новой автохтонной гипотезы.

Сторонником автохтонной концепции происхождения мордвы в 1930-х гг. становится П.С. Рыков. Им была сделана попытка проследить

историю мордвы вплоть до эпохи бронзы. Первоначально с мордвой он связывал поселения позднего бронзового века и городецкие городища. Но в более поздней работе он вынужден был признать, что поселения древней мордвы отличны от городищ I тыс. до н. э. [7; 8].

Аргументированная автохтонная концепция происхождения мордвы на городецкой основе была разработана А.П. Смирновым в начале 1950-х гг. в “Очерках по средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья” [6]. Доказывая свою точку зрения, А.П. Смирнов исходит из представления о непрерывном автохтонном развитии культуры местных племен, начиная с эпохи неолита. Именно к этой эпохе он относит истоки происхождения обряда трупоположения в грунтовых могильниках, который, по его мнению, бесперерывно доживает до I тыс. н.э. В подтверждение данного тезиса им приводятся сведения о разрозненных находках в отдельных погребениях в бассейне р. Оки, не имеющих, как правило, ни определенной культурной принадлежности, ни обоснованной датировки [6, С. 49]. Свообразно им решается ранее поставленная П.П. Ефименко [3, С. 64] и В.В. Гольмстен [9, С. 56] проблема отсутствия грунтовых могильников у населения городецкой культуры. Исходя из предположения о датировке позднегородецких древностей IV в. н.э., А.П. Смирнов относит к городецким памятникам ранние могильники рязано-окского типа [6, С. 49 - 50]. Обосновывая данный тезис, он указывает на наличие в материалах могильников ряда пережиточных черт, характерных для городецкой культуры. В качестве примера А.П. Смирнов приводит находку серебряного идольчика с углублением в животе, заполненным голубой эмалью, из погребения №43 Подболотьевского могильника IX-X вв. По мнению А.П. Смирнова, идольчик изготовлен местными мастерами, поскольку “...напоминает кремневые фигурки людей, находимые в неолитических стоянках среднего и нижнего течения р. Оки” [6, С. 51]. Еще одним аргументом происхождения рязано-окских могильников на местной основе для А.П. Смирнова является наличие в Кузьминском могильнике головного убора с розетками, близкими по форме к украшениям абашевской культуры [6, С. 53]. Вслед за В.В. Гольмстен [10], А.П. Смирнов отметил значительное влияние на ранние памятники древней мордвы скифо-сарматского населения, при посредничестве которого в могильники волжских финнов попадали римские вещи [6, С. 55 - 61].

Таким образом, автохтонное происхождение древнемордовских памятников обосновывается А.П. Смирновым путем поиска самых разнообразных, по большей части случайных аналогий са-

мого общего характера в древностях всех предшествующих эпох от неолита до раннего железа, что позволяет усомниться в надежности полученных им выводов. Однако авторитет А.П. Смирнова среди исследователей средневековой археологии Среднего Поволжья был столь высок, что фактически не доказанная им преемственность между городецкой и древнемордовской культурой попала в разряд аксиом и уже никем не оспаривалась. С этого времени дискуссии велись только о роли прикамского и сарматского компонентов в сложении древнемордовской культуры.

В 1956 г. П.Д. Степанов опубликовал статью, посвященную вопросам происхождения мордовских племен - мокши и эрзи, где он попытался проследить отличия в их культуре, начиная с XVIII в. - до I тыс. н. э. По его мнению, до VI - VII вв. мордва была единым народом, культуру которого иллюстрируют материалы рязано-окских могильников. Затем происходит деление на мокшу и эрзю. Мокша расселяется в бассейне одноименной реки и к северо-востоку от него вплоть до Волги, эрзя - на территории Нижнего Поочья. К эрзянским памятникам П.Д. Степанов относил и муромские могильники, утверждая, что никакой летописной муромы вообще не было [11]. Впоследствии данная точка зрения была дополнительно обоснована П.Д. Степановым с опорой на этнографические данные. Им было указано на сходство женского костюма мордвы-эрзи с материалами, полученными из муромских могильников левобережного течения р. Оки [12]. Данные выводы противоречат аналогичным исследованиям А.Е. Алиховой, которая ранее пришла к заключению о существенных этнографических отличиях между женским костюмом эрзи и муромы [13, С. 137]. Причем Ю.А. Зеленева считает выводы А.Е. Алиховой по данному вопросу весьма убедительными, чего нельзя сказать о различиях в погребальном обряде [14, С. 13].

Важное значение для разработки вопросов этногенеза имели раскопки П.Д. Степановым в 1963-1964 гг. Андреевского кургана, где были выявлены наиболее ранние грунтовые захоронения древней мордвы, отнесенные им к рубежу I в. до н.э. - I в. н.э. На основе их анализа П.Д. Степанов пришел к выводу о наличии здесь четырех культурных компонентов. Позднегородецкий компонент представлен горшковидной керамикой грубой ручной лепки, без орнамента; прикамский - прямоугольными пряжками, нагрудными бляхами, “сапожками”, “уточками”, “гусиными лапками”; сарматский включает кинжалы с кольцевым навершием и прямым перекрестием, трехперые черешковые наконечники стрел, золоченые стеклянные бусы, бронзовую чашу и кованый котелок, фибулы “Avcissa”, однолезвийные мечи. В резуль-

тате взаимодействия их носителей, по мнению П.Д. Степанова, происходит сложение древнемордовских древностей, к которым были отнесены впускные захоронения кургана [15, С. 50 - 51]. Путь проникновения импортных вещей к населению, оставившему погребения Андреевского кургана, по его мнению, мог быть прямым (сарматско-причерноморским) или же мог проходить через закамские и прикамские степи, где сарматское влияние было весьма ощутимо. В итоге П.Д. Степанов делает заключение, что данный памятник оставлен людьми городецкой культуры, принявшими и переработавшими элементы культуры сарматских и пьяноборских племен [16, С. 47].

Комплексная концепция происхождения мордовского народа с опорой на данные археологии, антропологии, лингвистики и этнографии в 1970-х гг. была разработана А.Х. Халиковым [17]. Впоследствии в неё было внесено ряд уточнений и дополнений [18]. По мнению А.Х. Халикова, формирование древней мордвы происходило на основе двух групп городецких племен - средне-окской и поволжской, что фактически предопределило будущее выделение этнических групп мокши и эрзи. Культурная близость городецких памятников к дьяковским, а через них и ко всем западнофинским памятникам I тыс. до н.э. с "сетчатой" керамикой позволила А.Х. Халикову утверждать, что вплоть до рубежа н.э. область будущего формирования мордовского народа была занята западными финноязычными племенами. Это обусловило сближение мордовских языков с прибалтийско-финским и преобладание европеоидности в антропологическом типе. На рубеже нашей эры в районы Верхней Оки начинают проникать из Верхнего Приднепровья древнебалтийские племена, что, по мнению А.Х. Халикова, ведет к усилению в языке западных групп протомордовских племен балтских лингвистических особенностей и светлопигментированного балтийского антропологического типа. В первые века н.э. городецкие племена начинают испытывать значительное влияние со стороны послепьяноборских восточнофинских племен. Усиление пьяноборских элементов в культуре позднегородецкого населения в II-III вв. н.э. привело к распространению грунтового обряда захоронения, и с этого времени позднепьяноборские черты отчетливо выступают в культуре и антропологическом типе местного населения. Немаловажную роль, по мнению А.Х. Халикова, сыграли и посторонние воздействия: позднесарматские и, возможно, ранние тюрко-угорские на востоке (в прамокшанской группе) и славяно-балтские на западе (в праэрязанской группе) [18, С. 39 - 41].

В 1976 г. М. Р. Полесских была опубликова-

на специальная статья по этногенезу, где было отмечено, что в вопросе о генезисе культуры могильников селиксенского типа имеются две основные точки зрения. Первая: дальние корни этой культуры восходили к древностям Прикамья (первый компонент). В своем развитии она вобрала в себя местную городецкую культуру (второй компонент), испытав при этом сильное влияние сарматского культурного мира. Вторая: селиксенская культура сформировалась только на местной городецкой основе. При этом М.Р. Полесских было указано, что трудно уяснить причину внезапного появления в третьем веке в верховьях Суры и Мокши целого каскада грунтовых могильников, если учесть, что для местной городецкой культуры Среднего Поволжья могильничный ритуал неизвестен. По его мнению, могильники селиксенского типа сближает с ананьинскими прикамскими древностями расположение покойников ногами к реке. В числе важнейших отличий селиксенской керамики от городецкой М. Р. Полесских было указано на отсутствие на селиксенской посуде рогожного орнамента, который неизменно присутствует на всех городецких памятниках. Кроме того, М. Р. Полесских было отмечено наличие прототипов руководящих форм селиксенских вещей (височные подвески с грузиком, простые беззамковые гривны, нагрудные и наконечные бляхи с concentрическим орнаментом) в вещевых комплексах могильников ананьинского типа. По его мнению, наличие в селиксенском могильнике восточного прикамского субстрата подтверждается антропологическим анализом, поскольку на основе изучения 17 черепов из Селиксенского могильника Т. И. Алексеевой был сделан вывод о смешении здесь европеоидных и монголоидных антропологических типов [19, С. 144-145].

Точка зрения М.Р. Полесских впоследствии была подвергнута критике со стороны В.И. Вихляева в специальной статье, где говорится, что на позднем этапе городецкой культуры выходит из употребления посуда с рогожным орнаментом и вся керамика становится гладкостенной. Причем ее форма весьма близка к древнемордовской керамике, а для прикамской посуды характерна круглодонная посуда, не встречающаяся в древнемордовских могильниках. Также было отмечено, что на промежуточной территории между древнемордовскими могильниками Верхнего Посурья и ананьинскими памятниками Прикамья отсутствуют промежуточные памятники, которые могли бы проиллюстрировать трансформацию ананьинских древностей в древнемордовские [20, С. 140 - 147].

Отметим, что вывод о выходе из употребления посуды с рогожным орнаментом на позднегородецком этапе на момент написания статьи

относился лишь к разряду предположений, призванных объяснить отсутствие в грунтовых могильниках Западного Поволжья начала нашей эры сосудов с подобной орнаментацией. Впоследствии данный вывод был опровергнут В.И. Вихляевым при анализе позднегородецких материалов Теньгушевского городища, где керамика с сетчатым и рогожным орнаментом бытует на самой поздней стадии его развития [5, С. 27]. Сомнения в городецкой принадлежности подавляющей части неорнаментированной керамики городецких памятников ранее высказывались и В.Г. Мироновым, который отмечал её отличие по технике изготовления, профилировке, размерам, находя ей ближайшие аналогии в среднедонской керамике раннего железного века [21, С. 20].

Далеко не бесспорным является и тезис В.И. Вихляева об отсутствии переходных промежуточных памятников между селиксенскими и ананьинскими древностями. По существу такими переходными памятниками являются древности андреевско-писеральского типа, в которых фиксируется весьма существенный прикамский компонент и вместе с тем присутствует плоскодонная неорнаментированная керамика, аналогичная посуде древнемордовских могильников. Отсутствие круглодонной пьяноборской керамики в погребениях Андреевского кургана, по мнению С.Э. Зубова, может быть связано с тем, что пришлый компонент в захоронениях могильника в основном представлен мужскими погребениями, которые могли принадлежать воинской группе населения, принявшей участие в захвате данной территории и подчинившей себе местное городецкое население [22, 1999]. Кроме того, помещение сосудов в могилу для пьяноборских древностей вообще не характерно. Возможно, что это местная традиция снабжать умерших ритуальной пищей в глиняных сосудах, поэтому и посуда в погребениях местная, не пьяноборская.

Необходимо также заметить, что в более древних могильниках Западного Поволжья наблюдается более высокий удельный вес прикамского компонента, что свидетельствует не только о регулярных связях с Прикамьем в течение всей первой половины I тыс. н.э., но и о наличии определенного импульса, относящегося к началу этого периода. Видимо, не случайно Г.М. Худяков [23, С. 16] и П.Н. Третьяков [24, С. 53] в свое время относили Кошибеевский могильник к пьяноборской культуре. К числу переходных памятников также можно отнести материалы, полученные с городища Пичке-Сорче и клад украшений, найденный на городище у д. Тиханкино [25, табл. 18; 21].

После монографической публикации в 1980 г. материалов Андреевского кургана [16] проблема этногенеза древней мордвы неодно-

ратно затрагивалась исследователями в связи с их интерпретацией. Так, Ю.А. Зеленевым было высказано предположение, что данные материалы иллюстрируют совместное сарматско-пьяноборское проникновение населения на территорию Посурья [26, С. 84]. К.А. Смирнов разделил их на два разновременных и разнокультурных памятника: грунтовые погребения он отнес к населению, воспринявшему сарматскую культуру, впускные были им предположительно отнесены к городецкой культуре [27, С. 6]. С.Э. Зубов отметил близость погребального обряда Андреевского кургана с обрядом Кипчаковского курганно-грунтового могильника, принадлежавшего, по его мнению, пьяноборским племенам, в среду которых влилась небольшая группа зауральского угорского (гороховско-саргатского) населения [22, С. 46 - 49]. С.Э. Зубова поддержал В.В. Гришаков, считающий вероятным участие в формировании памятников андреевско-писеральского типа зауральского (саргатского) компонента, усложненного пьяноборским [28, С. 52 - 53]. Г.И. Матвеева поставила под сомнение наличие в Андреевском кургане сарматского компонента, указав на то, что большая часть инвентаря грунтовых захоронений, приписываемая сарматам, имеет западное центральноевропейское происхождение, и сарматских черт в данном памятнике не больше, чем в любом пьяноборском могильнике. Основную роль в формировании памятников данного круга, на ее взгляд, все-таки сыграло пьяноборское население, а значение зауральского (саргатского) компонента С.Э. Зубовым явно преувеличено [29, С. 291-292].

Проблема генезиса древней мордвы была затронута В.В. Гришаковым при изучении керамики из могильников Западного Поволжья [30]. Им было выделено три относительно независимых очага керамических традиций: присурский, рязано-окский и поволжско-тешский, что, по его мнению, свидетельствует о различных путях формирования культуры их носителей на единой позднегородецкой основе. Присурский очаг, продолжающий исключительно местные керамические традиции городецкого времени, был связан В.В. Гришаковым с прамокшанскими племенами. Носители рязано-окского очага, сложившегося в условиях воздействия на местные городецкие традиции сильных импульсов из среды восточнобалтских культур, по его мнению, составляли особую группу поволжско-финских племен, основная часть которых в дальнейшем растворилась в древнемордовской среде. Сложение поволжско-тешского очага было связано им с развитием керамических традиций местного го-

родецкого населения, а сам очаг отнесен к культуре праэрзянских племен [30, С. 124].

Керамика из мордовских могильников была проанализирована В.В. Гришаковым на высоком научно-методическом уровне с использованием современных методов кластер-анализа, однако, как справедливо отмечает В.И. Вихляев, специального анализа городецкой керамики им не проводилось [5, С. 91], поэтому выводы о “несомненной городецкой основе” не всегда доказательны. Так, например, самим В.В. Гришаковым признается, что городецкие памятники на территории поволжско-тешского керамического очага практически не изучены [30, С. 106].

В 2000 г. В.И. Вихляевым была опубликована монография по происхождению древнемордовской культуры, где им было обосновано выделение особой андреевской культуры, основу которой первоначально составили пришлые кочевники сарматы, столкнувшиеся на территории Сурско-Волжско-Свияжского междуречья “...с носителями двух различных культур: городецкой и прикамского облика (пьяноборской?)” [5, С. 52]. Под влиянием местного финского (как западного, так и восточного) населения культура пришельцев претерпевает существенные изменения. Курганный обряд захоронений постепенно сменяется обычаем погребения в могилах без насыпи, расположенных рядами, происходит постепенная финнизация кочевников. При этом главная роль в финнизации отводится В.И. Вихляевым городецким племенам, но переход к грунтовым захоронениям им объясняется влиянием прикамского населения, однако его механизм не раскрывается. Говоря о наличии в Андреевском кургане вещей прикамского облика, В.И. Вихляев подчеркивает, что их распространение “...не обязательно связано с этническими контактами, оно могло быть следствием воздействия мощного ювелирно-металлургического центра, существовавшего в Прикамье” [5, С. 53 - 54]. Возникает вопрос, если этнических контактов не было, то каким образом произошло распространение прикамского погребального обряда?

В конце II в., по мнению В.И. Вихляева, основная часть потомков андреевской культуры перемещается в Цнинско-Мокшанское междуречье, где смешивается с племенами позднегородецкой культуры, дав начало цнинско-мокшанской (кошибеевской) группе племен. А к середине III в. в результате автохтонного развития носителей городецкой культуры складывается верхнесурская племенная культура, в формировании которой не ощущается заметного влияния ни андреевской культуры, ни цнинско-мокшанских племен [5, С. 125-126], что опять вызывает вопросы, поскольку неясно, как без указанного

влияния местные городецкие племена стали совершать захоронения на грунтовых могильниках.

В 2008 г. В.В. Гришаковым было заявлено, что вопрос о происхождении древнемордовской культуры сейчас решается достаточно однозначно и дискутировавшаяся в историографии XX в. гипотеза о пришлое (прикамском) компоненте в ее сложении в настоящее время не находит сторонников [31, С. 99]. Однако произведенный обзор свидетельствует, что данная проблема пока еще далека от разрешения, поскольку до сих пор не получено аргументированного ответа на вопросы: откуда, если не от родственного прикамского населения, получил распространение у древней мордвы обряд захоронения в грунтовых могильниках, и почему ни в одном из погребений нет сосудов с рогожной и сетчатой орнаментацией, если она доживает до финала городецкой культуры? Поэтому приходится констатировать, что, как и прежде, главным аргументом сторонников автохтонной концепции по-прежнему остаются: отсутствие в древнемордовских могильниках круглодонных сосудов и совпадение территории распространения этих могильников с ареалом городецкой культуры.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шахматов А.А. Повесть временных лет. Петроград, 1916.
2. Спицын А.А. Раскопки в Пензенской и Тамбовской губерниях // Отчет Императорской археологической комиссии за 1892 год. Спб., 1984.
3. Ефименко П.П. Рязанские могильники. Опыт культурно-стратиграфического анализа могильников массового типа // Материалы по этнографии. Л., 1926. Т. 3. Вып. I. С. 59-84.
4. Ефименко П.П. К истории Западного Поволжья в первом тысячелетии н. э. по археологическим источникам // Советская археология. 1937. № 2. С. 39-58.
5. Вихляев В.И. Происхождение древнемордовской культуры. Саранск, 2000. 132 с.
6. Смирнов А.П. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья. М., 1952. 276 с. (Сер. Материалы и исследования по археологии СССР, № 28).
7. Рыков П.С. Очерк по истории мордвы. По археологическим материалам. М., 1933. 112 с.
8. Рыков П.С. Очерки по истории Нижнего Поволжья по археологическим материалам. Саратов: Саратовское краевое изд-во, 1936. 132 с.
9. Гольмстен В.В. Наземные погребения в Среднем Поволжье // Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР. М., 1940. Вып. 5. С. 56-58.
10. Гольмстен В.В. Хронологическое значение эволюция древних форм // Известия Самарского гос. университета. Самара, 1923. Вып. 5. С. 1-20.
11. Степанов П.Д. К вопросу о происхождении мордовских племен мокши и эрзи (по данным археологии и языка) // Ученые записки Саратов. гос. пед. ин-та и Саратов. гос. ун-та. Саратов, 1956. Вып. 22. С. 143-170.
12. Степанов П.Д. Древняя история мордвы-эрзи

- (Очерк второй - археологические и этнографические данные) // Труды Мордовского научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики. Саранск, 1970. Вып. 39. С. 26-66.
13. *Алихова А.Е.* Мордва и мурома // Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР. 1949. № 30. С. 26-30.
 14. *Зеленев Ю.А.* А.Е. Алихова об этнокультурной истории Поволжья в средние века // Археология Восточноевропейской лесостепи. Пенза, 2003. С.13-16.
 15. *Степанов П.Д.* Андреевский курган // Этногенез мордовского народа. Материалы научной сессии. Саранск: Мордов. кн. изд-во 1965. С.47-52.
 16. *Степанов П.Д.* Андреевский курган. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1980. 108 с.
 17. *Халиков А.Х.* Этническая принадлежность ананьинской общности // Вопросы финноугроведения. Йошкар-Ола, 1970. Вып. 5. С. 287-296.
 18. *Халиков А.Х.* Основы этногенеза народов Среднего Поволжья и Приуралья. Казань: Изд-во Казанского университета, 1991. 107 с.
 19. *Полесских М.Р.* К вопросу о субстрате селиксенской культуры // Материалы по археологии Мордовии. Мордовский научно-исследовательский институт языка, литературы, истории и экономики. Вып. 52. Саранск, 1976. С.141-146.
 20. *Вихляев В.И.* О генезисе культуры южномордовских племен // Археологические памятники мордвы первого тысячелетия нашей эры. Саранск, 1979. С. 140-147.
 21. *Миронов В.Г.* Памятники городецкой культуры и проблема локальных вариантов: Автореф. дис. ... канд. истор. наук. М., 1976. 24 с.
 22. *Зубов С.Э.* К проблеме культурной интерпретации памятников Андреевско-писеральского типа // Исследования П.Д. Степанова и этнокультурные процессы древности и современности. Саранск: Историко-социологический институт, 1999. С. 44-51.
 23. Древности Камы по раскопкам А.А. Спицына в 1898 г. Л., 1933.
 24. *Третьяков П.Н.* Памятники древнейшей истории чувашского Поволжья. Чебоксары, 1948.
 25. *Смирнов А.П., Трубникова Н.В.* Городецкая культура // Свод археологических источников. М., 1965. Вып. Д1-14. 40 с.
 26. *Зеленев Ю.А.* Грунтовые могильники волжских финнов и некоторые проблемы этнической истории // Этногенез и этническая история марийцев. Археология и этнография марийского края. Йошкар-Ола. Вып. 14.
 27. *Смирнов К.А.* О времени Андреевского кургана // Вопросы этнической истории Волго-Донья. Материалы научной конференции. Пенза, 1992. С. 3-6.
 28. *Гришаков В.В.* Староардатовский I курган и его место в системе памятников андреевско-писеральского горизонта // Древности Окско-Сурского междуречья. Саранск, 2000. Вып 2.
 29. *Матвеева Г.И.* К вопросу об основных компонентах формирования культуры Андреевского кургана // Археология Восточноевропейской лесостепи. Пенза, 2003. С.286-293.
 30. *Гришаков В.В.* Керамика финно-угорских племен правобережья Волги в эпоху раннего Средневековья. Йошкар-Ола, 1993. 204 с.
 31. *Гришаков В.В.* Условия и факторы формирования локальных традиций в древнемордовской культуре // Археология Восточноевропейской лесостепи. Пенза, 2008. Вып 2, том 2.

BASIC CONCEPTIONS OF THE ANCIENT MORDVA ETHNOGENESIS (HISTORIOGRAPHICAL REVIEW)

© 2009 V.V. Stavitsky

Penza State Pedagogical University

The history of studies in the ethnogenesis of ancient Mordva is analyzed in the article. Researchers developed two basic conceptions – migratory and autochthonic. According to the first conception the main role in the ethnogenesis of Mordvins was played by kindred population of the Kama region, according to the second conception – by a local tribe of the Gorodetskaya culture.

Key words: ethnogenesis of ancient Mordva; migratory and autochthonic conceptions; Rynoborskaya culture, Gorodetskaya culture; Sarmatian culture.